

В целом, когда перечитываешь роман Александра Дюма «Три мушкетёра», то есть тебе уже известна канва, то начинаешь обращать внимание на мелкие детали, реплики, диалоги, поступки и с ужасом осознаёшь, что весь роман пропитан противоречиями, на которые натываешься на каждом шагу, как на грибы после дождя, и, в конец измученный этим открытием, от удивленияжимаешь плечами: мол, как такое могло случиться, как мог уважаемый нами автор допустить полное отсутствие логики в действиях и поступках отважных, с чем нельзя не согласиться, героев. И то, что роман имеет не одного «родителя», над ним корпели несколько авторов, никак не оправдывает допущенные несостыковки в романе. Наоборот, больше глаз, больше внимания, больше точности и меньше неразберихи. Так должно быть, во всяком случае...

В том-то и загадка, харизма этого произведения – несмотря на все вышеописанные недочёты, забавная история четырёх мушкетёров остаётся самым популярным в мире историко-приключенческим или авантюрно-историческим произведением.

Но вернёмся к роману...

...«Внеся задаток, д'Артаньян сразу же перебрался в свою комнату и весь остаток дня занимался работой: обшивал свой камзол и штаны галуном, который мать споролла с почти совершенно нового камзола г-на д'Артаньяна-отца и потихоньку отдала сыну».

В этом отрывке привлекли моё внимание ещё и первые два слова: «Внеся задаток». И так, добравшись до Парижа, д'Артаньян на фасаде одного из домов увидел объявление о том, что сдаётся комната. Постучался, вошёл, какая-то живая душа встретила его, рассказала условия, мол, не шуметь, вовремя вносить квартплату и прочее. Но мне непонятно, кто встретил д'Артаньяна, кому он передал задаток. Давайте разбираться. Владелец этого дома являлся не бедным человеком, вот как он говорит о себе: «Я человек обеспеченный, правильнее сказать. Торгуя галантереей, я скопил капиталец, приносящий в год тысячи две-три эю. Кроме того, я вложил некую сумму в последнюю поездку знаменитого мореплавателя Жана Моке. Так что, вы сами понимаете, сударь...» А слуг он не имел, что, согласитесь, выглядит странно. Как может не иметь хотя бы одного слугу «вполне обеспеченный человек» того времени, занимающийся к тому же благотворительностью, «я вложил некую сумму в последнюю поездку знаменитого мореплавателя Жана Моке». Но такова воля автора, и с этим мы вынуждены считаться. Отсюда следует, что д'Артаньян договаривался о найме комнаты либо с хозяином дома, либо с хозяйкой. Больше не с кем. Но вот следующий отрывок заставляет нас в очередной раз потянуться к затылку. В этом отрывке говорится о том, что в дверь комнаты д'Артаньяна постучался неизвестный горожанин и состоялся между ними вот такой диалог:

«– Да я и не отступаю, тысяча чертей! – воскликнул гость, пытаясь с помощью проклятий вернуть себе мужество. – Клянусь вам честью Бонасье... – Ваше имя Бонасье? (спрашивает незнакомца д'Артаньян) – Да, это моя фамилия. – И так, вы сказали: “Клянусь честью Бонасье”... Простите, что я перебил вас. Но мне показалось, что я уже где-то слышал ваше имя. – Возможно, сударь. Я хозяин этого дома. – Ах, вот как! – проговорил д'Артаньян, слегка приподнявшись и кланаясь. – Вы хозяин этого дома?»

Значит, д'Артаньян не знаком с господином Бонасье и, соответственно, не с ним договаривался об аренде комнаты. Так с кем же? Не видел и хозяйку, с которой познакомится позднее. Так кому же он отдал деньги? Кто получил задаток за комнату от д'Артаньяна? Меня там не было, можете на слово поверить, остаётся автор, господин Дюма. Больше некому...

...Так и остался для читателя невыясненным вопрос, убит гвардеец Жюссак или ранен. Мы не смогли прийти к одному мнению, а спросить некого. Хотя почему некого, вот король знает, он убеждён, что Жюссак всего лишь ранен. На встрече с отважной четвёркой, показывая рукой на д'Артаньяна, он говорит:

«— Это он ранил Жюссака? — воскликнул король. — Он? Мальчик? Это невозможно, Тревиль!»

Как ранен? Прочитав эти строчки, в который уже раз удивляюсь я. Ну не стану повторяться, будем считать, что короля, а заодно и господина де Тревиля ввели в заблуждение.

Полюбовался, значит, король, мушкетёрами и соблаговолил позволить им идти выполнять свои служебные обязанности. И, глядя им вслед, обратился к господину де Тревилю: «Тревиль, — добавил король вполголоса, пока молодые люди уходили, — так как у вас нет свободной вакансии в полку, да и, кроме того, мы решили не принимать в полк без испытания, поместите этого юношу в гвардейскую роту вашего зятя, господина Дезэссара...»

Вот здесь-то я абсолютно не согласен с королём. Как нет свободных мест? Неправда, есть свободные места. Ведь всего за день до этого разговора тройка мушкетёров доложила господину де Тревилю о том, что в ходе стычки с гвардейцами убиты два мушкетёра. Значит, есть два свободных места. Допустим, королю ещё не успели доложить, но господин де Тревиль знает об этом.

Что касается постулата «Не проявил себя». И здесь я не согласен. Как не проявил себя, если за два неполных дня столько гвардейцев на шпагу нанизал, да ещё каких гвардейцев! Куда уж более?!

Так что господин де Тревиль должен был возразить королю, мол, во время прошлой стычки, к сожалению, убиты два преданных вам мушкетёра, и поэтому свободные места есть, да и проявить себя он уже успел. И многозначительно добавить: «Вам ведь известна причина скверного настроения кардинала». И был бы мой друг уже мушкетёром, но, увы, прохлопал ушами де Тревиль удобный момент, и из-за этого д'Артаньяну придётся ещё пахать и пахать до XXVIII главы первой части романа или до XVII главы второй части. «Как так?» — удивится читатель. Карапетяну неизвестно, когда д'Артаньян вступил в полк мушкетёров, он что, книгу не читал? Читал, уверяю я вас, и не один раз, наизусть её помню, только вот когда д'Артаньян вступил в полк мушкетёров, не знаю, не разобрался. Давайте попробуем это сделать вместе.

Для начала откроем XXVIII главу и порадуемся за д'Артаньяна.

«В Париже д'Артаньяна ждало письмо от г-на де Тревиля, извещающее, что его просьба удовлетворена и король милостиво разрешает ему вступить в ряды мушкетёров. Так как это было всё, о чём д'Артаньян мечтал...»

Вроде бы всё ясно, д'Артаньян — мушкетёр.

Кто хоть немного смыслит в русском языке, не может сделать иного вывода. И пора поздравить д'Артаньяна и в пляс пуститься по этому случаю. Хотя нужно убедиться, действительно ли д'Артаньян, получив письмо де Тревиля, стал мушкетёром? Не оговорка ли это автора, или неправильно понял письмо д'Артаньян, и мы вместе с ним? Поищем ответ на следующих страницах. Но нет, вот очередное подтверждение.

«— О, дело плохо! — сказал Арамис. — Мы только что сделали подсчёт, причём были не взыскательны, как спартанцы (речь идёт об одежде), и всё же каждому из нас необходимо иметь по меньшей мере полторы тысячи ливров.

— Полторы тысячи, помноженные на четыре, — это шесть тысяч ливров, — сказал Атос».

Атос помножил на четыре! То есть с этой минуты, когда и д'Артаньян стал мушкетёром, все четверо должны быть одеты одинаково. Ещё вот:

«— Что же касается д'Артаньяна, господа, то счастье вступить в наши ряды лишило его рассудка».

Ну и последнее, думаю, достаточно:

«— И сверх того... — сказал Атос, подождав, пока д'Артаньян, который пошёл поблагодарить г-на де Тревиля, закроет за собой дверь».

Но я вынужден разочаровать нас — уже через 5–6 строчек, заметьте, не страниц и не глав, чтобы успеть забыть, о чём ранее писал, а всего лишь строчек, и мы опять в смятении.

«Само собой разумеется, что из всех четырёх друзей д'Артаньян был озабочен больше всех, хотя ему как гвардейцу было гораздо легче экипироваться, чем господам мушкетёрам...»

Опять двадцать пять! Господин Дюма, нельзя же так!? За что вы своего героя из огня да в полымя. Господин Дюма, вы проспали самое важное событие в жизни д'Артаньяна, он уже давно мушкетёр, а вы его всё в гвардейцы записываете. Нельзя так! Он ещё толком де Тревиля поблагодарить не успел, а вы его опять в гвардейца наряжаете. Можно подумать, что это оговорка, хотя какая может быть оговорка в художественном произведении. Художественное произведение должно чем-то отличаться от слов, сказанных в запальчивости. Но наше возмущение, как и знание русского языка, мы вынуждены отложить в сторону, ведь мнение автора диаметрально расходится с нашим упрямым утверждением, потому как после этого письма ещё долгие дни, недели и месяцы д'Артаньяну предстоит ходить в гвардейской одежде, пока во второй раз, но уже в устной форме его по новой не удостоят чести вступить в ряды мушкетёров. Это произойдёт примерно через 150 страниц, теперь уже в XVII главе второй части романа.

«— Ну так возьмите его к себе, — предложил кардинал (деТревилю). — Раз эти четыре храбреца так любят друг друга, им, по справедливости, надо служить вместе.

Д'Артаньян был вне себя от радости. Как известно, мечтой всей его жизни было сделаться мушкетёром».

Для большей убедительности, сопоставим два отрывка, — первый из XXVIII главы первой части книги: «...и король милостиво разрешает ему (д'Артаньяну) вступить в ряды мушкетёров. Так как это было всё, о чём д'Артаньян мечтал...»

И второй, теперь уже из XVII главы второй части романа: «Д'Артаньян был вне себя от радости. Как известно, мечтой всей его жизни было сделаться мушкетёром».

Предположим, кардинал не знал, что 150 страниц тому назад д'Артаньян имел честь получить письмо от де Тревиля, в котором сказано «что его (д'Артаньяна) просьба удовлетворена, и король милостиво разрешает ему (д'Артаньяну) вступить в ряды мушкетёров». Кардинал не знал, но господин де Тревиль-то знает, он написал письмо д'Артаньяну, он уведомил о решении короля гвардейца д'Артаньяна, он первым поздравил его в тот день. И поэтому господин де Тревиль должен был возразить кардиналу, сказав: «— Ваше преосвященство, разве вы не в курсе, что 150 страниц тому назад король повелел перевести д'Артаньяна в полк мушкетёров? И он уже 150 страниц как мушкетёр. — Да, действительно, — ответит де Тревилю кардинал, почёсывая затылок: — Припоминаю, ну и хорошо, что они уже 150 страниц вместе служат. Я только рад этому». Но по роману происходит другое...

«В тот же вечер господин де Тревиль объявил эту приятную новость трём мушкетёрам и д'Артаньяну (предложение кардинала перевести д'Артаньяна в полк мушкетёров) и тут же пригласил всех четверых на следующий день к себе на завтрак. Д'Артаньян был вне себя от радости. Как известно, мечтой всей его жизни было сделаться мушкетёром. Трое его друзей тоже очень обрадовались...»

Итак, господин д'Артаньян, по всей вероятности, единственный мушкетёр Франции, который удостоился особой чести попасть в полк мушкетёров дважды! А потому я бы назвал книгу иначе — «Три мушкетёра и дважды мушкетёр господин д'Артаньян».

А сам Дюма какого мнения? Кто более значим для него, король или кардинал? Как показывает нам следующий отрывок, Дюма считает первым лицом Франции того времени именно кардинала, потому как принимает за основу не решение короля перевести д'Артаньяна в полк мушкетёров, а обронённую реплику-предложение кардинала. «Четверо молодых людей узнали эту новость через четверть часа после г-на де Тревиля, так как им первым он сообщил о ней. Вот когда д'Артаньян особенно оценил милость, которую оказал ему кардинал, наконец-то позволив перейти в мушкетёры! Если бы не это обстоятельство, д'Артаньяну пришлось бы остаться в лагере, а его товарищи уехали бы без него»

...А на этот проступок, который я предлагаю сейчас разобрать, любой уважающий себя француз обязан был отреагировать следующим образом. Он должен был на этой странице захлопнуть книгу, подойти к зеркалу, ловко поправить причёску на голове и гордо заявить: «Не желаю читать роман, в котором прославляют предателя моей страны». — «А что, что произошло-то?» — встрепенутся в эту минуту любопытные читатели. И я им объясню. Однажды д'Артаньян блуждал по Парижу в поздние часы, и... с ним произошло самое невероятное. Кому скажешь, не поверят. Он в темноте

столкнулся лоб в лоб не с кем-нибудь, а с самим герцогом Бекингом, и случилось это во Франции, в самом центре Парижа. Тот шёл вразвалочку, взяв под руку некую даму, с которой, как позже выяснится, у д'Артаньяна совсем недавно состоялось поверхностное знакомство. Таким образом, жизнь герцога Бекингема – второго лица, враждебно настроенного по отношению к Франции, государства, оказалась в руках у нашего героя. Появилась возможность блеснуть, проявить себя, наутро встать героем всей страны, получить плащ мушкетёра и ещё дюжину высших наград. А для этого нужно было всего лишь пленить этого сердцееда. Крепко связать, чтоб и пикнуть не смел. Но случилось обратное:

«– Ради всего святого, милорд! – вскричала г-жа Бонасье, бросаясь между ними (герцогом Бекингом и д'Артаньяном) и руками хватаясь за шпаги.

– Милорд! – воскликнул д'Артаньян, осенённый внезапной мыслью. – Милорд!.. Простите, сударь... Но неужели вы...

– Милорд – герцог Бекингем, – вполголоса проговорила г-жа Бонасье. – И теперь вы (д'Артаньян) можете погубить всех нас».

Да он просто обязан был погубить их. Д'Артаньяну не составило бы особого труда, сделав страшные глаза, гаркнуть на глупое создание, чтобы она от страха бежала без оглядки. Крепко связать англичанина и проследить, чтобы его доставили точно по назначению, в Бастилию. Но наш герой, в кавычках, или антигерой, без кавычек, вдруг захныкал:

«– Милорд и вы, сударыня, прошу вас, простите, простите меня!.. Но я ведь люблю её, милорд, и ревновал. Вы ведь знаете, милорд, что такое любовь! Простите меня и скажите, не могу ли я отдать свою жизнь за вашу милость».

После этого предательского лепетания д'Артаньян взялся ещё и оберегать эту парочку. К огорчению влюблённого гасконца, по пути следования этой пары ни один подозрительный тип не встретился, и ему не удалось, заколов пару французов, показать свою молодецкую удаль.

И господин д'Артаньян отпустил их с миром и упустил возможность стать героем всей Франции! Слава о его подвиге, несомненно, докатилась бы и до Гасконии, и я представляю слёзы радости на лице у д'Артаньяна-отца. «Подумать только, – кричал бы он во всю ивановскую, – мой сын пленил самого герцога Бекингема!» Таким образом, приходится констатировать: д'Артаньян лишил своего старого отца возможности напоследок порадоваться за достойного продолжателя древнего рода...

...Читая следующий отрывок, я имею полное право обозвать д'Артаньяна ещё и самыми скверными словами. Не хотелось бы, но вынужден...

Однажды вечером к нему обратился за помощью владелец дома, в котором д'Артаньян снимал комнату, господин Бонасье. Личность так себе, но всё же. «– Меня преследуют неизвестные лица, – взмолился он, – пожалуйста, помогите». Тактично напомнил д'Артаньяну, что тот уже третий месяц не платит аренду. Хотя, судя по моим подсчётам, д'Артаньян в Париже находится чуть более месяца, тем более что он и ещё задаток оставлял, когда арендовал комнату. Помните ведь!

«Внеся задаток, д'Артаньян сразу же перебрался в свою комнату и весь остаток дня занимался работой: обшивал свой камзол...»

Но посмотрим, что дальше происходит. На неожиданную просьбу господина Бонасье при необходимости защитить его, д'Артаньян ответил весьма уклончиво, но всё же заверил, что господин Бонасье может на него рассчитывать: «Ну как же, как же, господин Бонасье! – сказал д'Артаньян. – Поверьте, что я преисполнен благодарности за такое обхождение и сочту своим долгом, если я хоть чем-нибудь могу быть вам полезен...»

Но как только появляется группа стражников, с намерением арестовать владельца дома, д'Артаньян тут же забывает о данном слове и охотно сдаёт своего «подзащитного» в руки незнакомцам, несмотря на отчаянные вопли последнего и напоминания д'Артаньяну о том, что он минутами ранее обещал защищать его.

Речь не о том, что д'Артаньян не стал мешать стражникам арестовать господина Бонасье. Я согласен с действиями д'Артаньяна, ведь стражники являются представителями власти. И оказывать сопротивление стражникам не только противозаконно, но и чревато последствиями, с чем мы ещё столкнёмся. Вопрос в том, как он поступил. Он злорадно закричал не терпящим возражения голосом: «– Действуйте, господа, действуйте! Забирайте этого человека. – И д'Артаньян толкнул совершенно растерявшегося галантерейщика в руки стражников».

А д'Артаньян должен был выразить своё сожаление и сказать господину Бонасье, мол, я готов вас защищать, если на вас нападут бродяги, воры и другие криминальные элементы. В данном случае я просто не имею права вмешиваться в действия стражников, они являются представителями нашей власти. И успокоить господина Бонасье словами: «Но вы не волнуйтесь, господин Бонасье, я знаю вас как кристально честного человека, а потому уверен, что вскоре всё выяснится и вас отпустят». Только не надо было вот так, показательно, отказываться от своих слов; с пренебрежением подталкивать, совершенно растерявшегося, галантерейщика в руки стражников. Но это не всё, цинизм д'Артаньяна на этом не заканчивается. Он предлагает начальнику стражников выпить.

«Они уже начали спускаться с лестницы, когда д'Артаньян вдруг хлопнул начальника по плечу.

– Не выпить ли мне за ваше здоровье, а вам за моё? – предложил он, наполняя два бокала божансийским вином, полученным от г-на Бонасье».

То есть д'Артаньян угощает начальника стражников вином несчастного Бонасье, которого минутой ранее, образно выражаясь, швырнул под ноги представителей власти, но и это не всё.

«– А главное – вот за чьё здоровье! – крикнул д'Артаньян словно в порыве восторга. – За здоровье короля и за здоровье кардинала!

Будь вино плохое, начальник стражников, быть может, усомнился бы в искренности д'Артаньяна, но вино было хорошее, и он поверил».

А какое имеет отношение, позвольте вас спросить, качество вина к искренности д'Артаньяна? Д'Артаньян ведь поспешно схватил первую попавшуюся по руку бутылку, и откуда ему знать, какого качества вино. Я хочу особо подчеркнуть, что этот эпизод в многочисленных фильмах о трёх мушкетёрах, что вполне естественно, отсутствует. Видимо, авторы фильмов такого же мнения.

Нужно отметить, что и мушкетёры-приятели, которые оказались свидетелями этой сцены, неоднозначно отреагировали на поступок д'Артаньяна, но не стали делать далеко идущие выводы. Так, скажем, каждый остался при своём мнении. А д'Артаньян, смекнув это, решил не замечать создавшегося неловкого момента и принялся тянуть одеяло на себя.

«– А теперь, господа, – произнёс д'Артаньян, не пытаясь даже объяснить Портосу своё поведение, – один за всех и все за одного – это отныне наш девиз, не правда ли?

– Но... – начал было Портос.

– Протяни руку и клянись! – в один голос воскликнули Арамис и Атос.

Сражённый их примером, всё же бормоча что-то про себя, Портос протянул руку, и все четверо хором произнесли слова, подсказанные им д'Артаньяном:

– Все за одного, один за всех!

Как мы видим, этот клич не стал осознанным решением всей команды, а оказался лишь спонтанным предложением д'Артаньяна с целью отвлечь внимание друзей от его откровенного лобызания с начальником стражников, читайте, пресмыкания перед ним. Но д'Артаньяна уже несёт дальше:

«– Отлично. Теперь пусть каждый отправляется к себе домой, – сказал д'Артаньян, словно бы он всю жизнь только и делал, что командовал. – И будьте осторожны, ибо с этой минуты мы вступили в борьбу с кардиналом».

Спрашивается, на каком основании он сделал подобный вывод? Речь идёт о фразе:

«...– И будьте осторожны, ибо с этой минуты мы вступили в борьбу с кардиналом».

Ведь минутами ранее он откровенно лебезил перед начальником стражников, пил с ним на брудершафт, торжественно провозгласил тост за здоровье кардинала. И пока нет никаких оснований беспокоиться за судьбу и своих друзей, и за свою собственную шкуру. Непонятно. Очередной выстрел в воздух.

...В следующем эпизоде д'Артаньян показал себя полным профаном, я не могу подобрать другого слова. Посудите сами. Когда он с мадам Бонасье сообразили, что стражники снова могут нагрянуть, но уже в большем количестве, решили покинуть этот дом. И задумались, а куда идти? Где укрыться? «– Да-да, вы правы! – с испугом воскликнула г-жа Бонасье. – Бежим, скроемся скорее отсюда! – С этими словами она схватила д'Артаньяна под руку и потянула его к двери. – Но куда бежать? – вырвалось у д'Артаньяна. – Куда скрыться?» Выбежали во двор, не удосужившись за собой прикрыть дверь, и стали думать, как дальше быть? «– Подождите, – произнёс д'Артаньян. – Мы рядом с домом Атоса... Да, правильно. – Кто это – Атос? – Один из моих друзей». И потащил он красотку в обитель своего друга, когда мог бы вполне спокойно укрыть её у себя. Вы помните ведь, что

«...помещение, занимаемое д'Артаньяном во втором этаже, вёл особый ход, и его гости никаким неприятностям не подвергались». То есть его комната представляла абсолютно безопасное место, да и кровать свободна. Но через несколько суток примерно такая же ситуация повторилась – господин Бонасье, после небольшой перебранки с супругой, хлопнул дверью и поспешил к графу Рошфору с намерением известить последнего о том, что его супруга ищет надёжного человека для отправки в Лондон с неизвестной господину Бонасье миссией. Д'Артаньян наконец-то сообразил, что в его каморке не менее безопасно, чем в каком-либо другом месте. «Слеза блеснула во взоре г-жи Бонасье при этих словах. Д'Артаньян заметил эту слезу и, растроганный, смущённый, упал к её ногам. – У меня, – произнёс он, – вы будете в безопасности, как в храме, даю вам слово дворянина!

– Идём, – сказала она. – Вверяю вам себя, мой друг.

Д'Артаньян осторожно отодвинул засов, и оба, лёгкие, как тени, через внутреннюю дверь проскользнули на площадку, бесшумно поднялись по лестнице и вошли в комнату д'Артаньяна...

...Но вот мадам Бонасье наконец-то сообразила, что на мужа рассчитывать нечего, и появился шанс у д'Артаньяна завоевать сердце писаной красавицы, какую ему виделась мадам Бонасье. Но вот загвоздка, наш герой, как всегда, без денег. А в такую дорогу никак нельзя отправляться без мешка с золотом. Мадам Бонасье, не особо церемонясь, достаёт из шкафа мешок с пистолетами, которым наградила кардинал её мужа за преданность и за заслуги, которые он, возможно, совершит в будущем:

«– Да, друг мой, да! – произнёс кардинал отеческим тоном, которым он умел иногда говорить, тоном, который мог обмануть только людей, плохо знавших Ришелье. – Вас напрасно обвиняли, и поэтому вас следует вознаградить. Вот, возьмите этот кошель, в нём сто пистолет, и простите меня.

– Чтобы я простил вас, монсеньёр! – сказал Бонасье, не решаясь дотронуться до мешка с деньгами...»

Так вот, этот мешочек и оказался в руках д'Артаньяна, он с радостью схватил мешочек, забыв о своей гордости, ещё и пританцовывать начал...

«– Мешок кардинала! – расхохотавшись, сказал д'Артаньян...

– Да, мешок кардинала, – подтвердила г-жа Бонасье. – Как видите, внешность у него довольно внушительная».

Итак, запомним, господин Бонасье получил в подарок от кардинала мешочек, в котором лежало 100 пистолет, а его супруга передала этот мешочек д'Артаньяну.

Радостно похлопывая по карману, в котором лежит мешочек со ста пистолетами, д'Артаньян мчит-ся на всех парах к де Тревилю, чтобы получить увольнительную для поездки в Лондон, и на вопрос: «– Деньги у вас есть?»

Д'Артаньян щёлкнул пальцем по сумке с монетами, которая была у него в кармане.

– Достаточно? – спросил де Тревиль.

– Триста пистолет.

– Отлично. С этим можно добраться на край света. Итак, отправляйтесь!»

Как триста пистолет? – удивитесь вы. Да и мне эта цифра показалась сомнительной. Не мог кардинал, давая 300 пистолет, назвать цифру сто. Не мог. Наоборот ещё куда ни шло. А так – не верю. Значит, д'Артаньян оговорился. Но нет, он эту цифру и друзьям называет.

«– Но для путешествия в Лондон нужны деньги, – заметил Портос, – а у меня их нет.

– У меня тоже.

– И у меня.

– У меня они есть, – сказал д'Артаньян, вытаскивая из кармана свой клад и бросая его на стол. – В этом мешке триста пистолет. Возьмем из них каждый по семьдесят пять – этого достаточно на дорогу в Лондон и обратно. Впрочем, успокойтесь: мы не все доберёмся до Лондона».

Допустим, опять оговорился, всякое бывает. Но тогда при дележе каждый участник поездки получит по 25 пистолет, а никак не 75. Но, как мы знаем, каждому мушкетёру досталось именно по 75 пистолет:

«Затем каждый из них, протянув руку к мешку, взял себе семьдесят пять пистолет и принялся за приготовления, чтобы через полчаса быть готовым к отъезду...»

Значит, в мешочке действительно оказалось плюс 200 пистолет. Откуда они? Помнится, фокусник-иллюзионист Арутюн Акопян мог в пустой мешочек положить рублёвую купюру, а потом до-

ставать и доставать десятками, но то был фокусник и мешочек с двойным дном. А в нашем случае... Непонятно.

Но в данном эпизоде есть ещё одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Посмотрим, как отреагировал бывший галантерейщик на пропажу денег.

«...дикий вопль в эту минуту прервал размышления д'Артаньяна и г-жи Бонасье. Это муж её, зативший исчезновение мешка с деньгами, взывал о помощи.

– О боже, боже! – воскликнула г-жа Бонасье. – Он поднимет на ноги весь квартал!

Бонасье кричал долго».

Господин Бонасье ведь понимал, что кроме его супруги деньги взять некому. И если он завопил – значит пропажа денег для него – из ряда вон выходящее событие, которое можно квалифицировать как воровство. И никому в голову не приходит мысль, что нужно бы и на плече мадам Бонасье поставить клеймо воришки. Тату, если кто не понял, о чём идёт речь...

...Наши друзья по дороге в город Лондон натываются на ловко расставленные коварным кардиналом ловушки, и начинаются боевые потери; первым принял удар на себя Портос.

Это произошло в Шантильи, куда мушкетёры без проблем добрались. Они отправились в трактир, чтобы подкрепиться. За общим столом сидел незнакомец, прибывший, как уверяет нас Дюма, по дороге из Даммартена. Мушкетёры сели рядом...

«...незнакомец предложил Портосу выпить за здоровье кардинала. Портос ответил, что готов это сделать, если Незнакомец, в свою очередь, выпьет за короля. Незнакомец воскликнул, что не знает другого короля, кроме его высокопреосвященства. Портос назвал его пьяницей. Незнакомец выхватил шпагу».

Спрашивается, зачем нужно было Портосу лезть на рожон, предлагать незнакомцу увеличить список лиц, в честь которых необходимо осушить бокал с вином, когда впереди такая опасная и долгая дорога. Разве это принципиально, пить за кардинала лишь доведком прикрепив имя короля? В своё время и д'Артаньян предлагал выпить за здоровье кардинала, и ничего, пили, мир не перевернулся.

«– А главное – вот за чьё здоровье! – крикнул д'Артаньян словно в порыве восторга. – За здоровье короля и за здоровье кардинала!»

Но что происходит далее, ни в какие рамки не лезет.

«– Вы допустили оплошность, – сказал Атос. – Но ничего не поделаешь: отступить сейчас уже нельзя. Убейте этого человека и как можно скорее нагоните нас».

Так ведь тот же Атос несколько ранее, отправляясь в это путешествие, объяснял, почему мушкетёрам не надо разлучаться, почему правильнее держаться друг за друга: «С четырьмя людьми, путешествующими в одиночку, ничего не стоит справиться, тогда как четверо вместе – уже отряд».

А сами оставляют Портоса сражаться в одиночку. Я не сомневаюсь в том, что, кроме незнакомца, в трактире присутствовало ещё несколько подосланных кардиналом злоумышленников. Согласитесь, кардинал, зная, что мушкетёры отправились в Лондон всей четвёркой, скорее всего, выслал до десятка гвардейцев, которые с бокалами вина развалились в трактире за разными столиками, готовые в нужную минуту обнажить свои шпаги. Не стал бы кардинал против четверых мушкетёров посылать одного. И по всей видимости, не успела за мушкетёрами закрыться дверь, как они тут же повскакали с мест. По этой причине я и в недоумении. Вот так, запросто, разве можно было оставить друга, не имея представления, сколько ещё противников окажутся у него на пути? Я не согласен! Я так бы не поступил. А как же клич «Один за всех и все за одного!»? О том, что Портос победит этого выскочку, никто не сомневается. Не сомневаюсь и я, но подождать-то можно? Небольшая задержка не нарушит график, впереди ведь ещё гостиница, где мушкетёры планируют на ночь остановиться. Вот и лягут на несколько минут позже. Эка беда!

«Отъехав на несколько миль, они в Бове всё же сделали двухчасовой привал, надеясь, что Портос нагонит их, но, не дождавшись друга, отправились дальше».

И зачем где-то два часа торчать, когда можно было это время провести рядом с Портосом, во избежание нежелательного развития. К тому же, допустим, всего один противник оказался на пути у мушкетёров. Бой с ним мог длиться от силы 15–20 минут, задержка небольшая, разве нельзя было подождать или и вовсе – помочь? Это ведь не дуэль, когда бьются один на один, а остальные угрюмо созерцают, исполняя роль секундантов. Это бой с врагом, а в данном случае все средства хороши

для того, чтобы избежать людских потерь и успешно продвигаться к намеченной цели. Кому непонятно? Поднимите руку... Если таковых нет, едем дальше, вслед за мушкетёрами. И тройка друзей, в сопровождении своих слуг, бросив четвёртого в беде (да, да, именно в беде), вскочили на лошадей и помчались прочь от Шантильи, предоставив Портосу право в поте лица сражаться с противником.

И мчатся теперь лихие ребята на встречу следующему препятствию: гвардейцев, переодетых в рабочих. Между ними происходит словесная перебранка и... «Тогда все эти люди отступили к канаве и вооружились спрятанными там мушкетами. Наши семеро путешественников были вынуждены буквально проехать сквозь строй. Арамис был ранен пулей в плечо, а у Мушкетона пуля засела в мясистой части тела, пониже поясицы».

Здесь сразу возникает вопрос: а почему семеро, а не шестеро? Значит, мало того что сами не посчитали нужным помочь другу, подождав, пока Портос расправится с незнакомцем, совершенно очевидно подосланным кардиналом, они и слугу Портоса с собой забрали!

Но не отвлекаемся:

«— Это засада, — сказал д'Артаньян. — Отстреливаться не будем! Вперёд!

Арамис, хотя и раненый, ухватился за гриву своего коня, который понёсся вслед за остальными. Лошадь Мушкетона нагнала их и, без всадника, заняла своё место в ряду».

Трогательная минута... За мушкетёрами мчится лошадь без всадника, значит, один из команды убит, и неважно — мушкетёр он или слуга. Долг, чувство ответственности за каждого потомка Адама подсказывает, что необходимо поворачивать лошадей и мчаться на помощь. Быть может, именно в эту минуту злодеи кардинала выкручивают руки Мушкетону, накинув на шею петлю, подтягивают к дереву. А он тоскливо смотрит в сторону опушки леса, за которой исчезли спины известных ему господ со слугами. Но, как вы думаете, какой оказалась реакция, в данном случае у Атоса, при виде лошади Мушкетона без всадника. Вам кажется, он загрустил, или опечалился, или, более того, ужаснулся? Нет, он просто сказал:

«— У нас будет запасной конь, — сказал Атос».

А д'Артаньян в свойственной ему манере продолжил:

«— Я предпочёл бы шляпу, — ответил д'Артаньян. — Мою собственную снесла пуля. Ещё счастье, что письмо, которое я везу, не было запряжено в ней!»

И никаких эмоций, ни слова о том, что погиб человек. Они ведь не знают, что «...у Мушкетона пуля засела в мясистой части тела, пониже поясицы». Кто не понял, поясню — в заднице.

И мы не видим у мушкетёров ни сожаления, ни желания вернуться. Ни раздумий о том, что, быть может, Мушкетон ранен и ему требуется помощь. Цинизм этого диалога поражает. Гибнет человек, а д'Артаньян рассуждает о шляпе, и, скорее всего, он о потере шляпы сообщает нам, читателям, а не своим друзьям. Потому как читатель не рядом на лошади гарцует, а с книгой в кресле расположился. Друзья-то видят, что он без шляпы, на кой ему им это говорить. Ну а там пулей сбило шляпу или ветер унёс, непонятно, тут бабка надвое сказала. Скорее всего, обыкновенное бахвальство молодого гасконца.

Но цинизм продолжается, вернее, усиливается, от потери шляпы мушкетёры вновь возвращаются к обсуждению возможной потери своего друга Портоса.

«— Всё это так, — заметил Арамис, — но они (переодетые в рабочих гвардейцы) убьют беднягу Портоса, когда он будет проезжать мимо.

— Если бы Портос был на ногах, он успел бы уже нас нагнать, — сказал Атос. — Я думаю, что, став в позицию, пьяница протрезвился».

То есть рассматривается вариант смерти друга без сожаления и угрызения совести. И Арамис говорит об этом спокойно, как сказал бы следующую фразу: «Я думаю, мы не успеем сегодня вечером купить пива, а жаль». Но нет, в данном случае волнений было бы куда больше. Доехав до следующего пункта, совсем занемог раненый Арамис.

«Но в Кревкере Арамис сказал, что не в силах двигаться дальше... С каждой минутой он всё больше бледнел, и его приходилось поддерживать в седле. Его ссадили у входа в какой-то кабачок и оставили при нём Базена (слуга), который при вооруженных стычках скорее был помехой, чем подмогой. Затем они снова двинулись дальше, надеясь заночевать в Амьене».

Заметьте, Базена оставили не для помощи раненому Арамису, а по той простой причине, что тот «при вооруженных стычках скорее был помехой, чем подмогой». Опять тот же цинизм.

Теперь остались Атос с д'Артаньяном со своими слугами. Но на следующей стоянке...

«Входя в комнату и ничего не подозревая, Атос вынул два пистоля и подал их хозяину. Трактирщик сидел за конторкой, один из ящиков которой был выдвинут. Он взял монеты и, повертев их в руках, вдруг закричал, что монеты фальшивые и что он немедленно велит арестовать Атоса и его товарищей как фальшивомонетчиков.

– Мерзавец! – воскликнул Атос, наступая на него. – Я тебе уши отрежу!

В ту же минуту четверо вооружённых до зубов мужчин ворвались через боковые двери и бросились на Атоса.

– Я в ловушке! – закричал Атос во всю силу своих лёгких. – Скачи, д'Артаньян! Пришпоривай! – И он дважды выстрелил из пистолета. Д'Артаньян и Планше не заставили себя уговаривать. Отвязав коней, ожидавших у входа, они вскочили на них и, дав шпоры, карьером понеслись по дороге».

Здесь уже можно воскликнуть: «Слов нет, одно недоумение!» Д'Артаньян, не раздумывая, оставляет Атоса одного против четырёх головорезов, да, да, вы не ослышались, против четырёх головорезов, и улепётывает подальше от места неравного поединка. А куда делся пресловутый лозунг «Один за всех и все за одного!»?

Как вы помните, на первой стоянке, когда мушкетёров было четверо, выяснять отношения полез один подосланный, а против двух мушкетёров сразу четыре гвардейца обнажили шпаги. То ли логика неправильная, то ли математика, непонятно.

На этом отрезке меня заинтересовала фраза «И он дважды выстрелил из пистолета». В XVII веке, чтобы дважды выстрелить из одного пистолета, нужно было после первого выстрела вновь засыпать порох и начать высекать искру. Наивно полагать, что всё это время противник, разинув рот, станет смотреть, как вы возитесь с порохом, чтобы потом свалиться, получив смертельное ранение. Потому и в те времена воины носили за поясом два-три пистолета, чтобы суметь за короткое время произвести несколько выстрелов.

Комментировать эту фразу не буду, хотя язык так и чешется, так и хочется сказать пару слов, на этот раз – язвительных...

Но я опять отвлѣкся...